

УДК 94(460):391+82-94

**МОДУ ДИКТУЕТ ИСПАНСКАЯ КОРОЛЕВА:
ЗАПИСКИ СЕКРЕТАРЯ МАРГАРИТЫ АВСТРИЙСКОЙ (1599-1614)**

Шапиро Б.Л.

В статье исследуется придворная культура ренессансной Испании, которая долгое время выступала образцом для многих королевских домов Европы. Главный вопрос – повлияло ли вступление Испании в начальный период заката «Золотого века» на восприятие страны в глазах иноземных представителей. Акцент делается на рецепции испанского придворного костюма. Материалом для размышлений служит интереснейший источник – записки Луиса Кабреры де Кордоба, секретаря королевы Маргариты Австрийской.

Ключевые слова: «Золотой век» Испании, Филипп III, Яков I, англо-испанская война, мода, история костюма.

**THE SPANISH QUEEN DICTATES THE FASHION: NOTES BY THE
SECRETARY OF MARGARET OF AUSTRIA (1599-1614)**

Shapiro B.L.

The article considers the court culture of Renaissance Spain, which for a long time acted as a model for many royal houses in Europe. The main question is whether Spain's entry into the initial period of the decline of the Golden Age influenced the state perception in the eyes of foreign representatives. The focus is on the reception of the Spanish court costume. The material for reflection is an interesting source – notes by Luis Cabrera de Córdoba, secretary of Queen Margaret of Austria.

Keywords: “Golden Age” of Spain, Philip III, James I, Anglo-Spanish War, fashion, history of costume.

Испания имела статус великой державы с момента открытия Колумбом Америки (1492) и до Пиренейского мира (1659). Но ее состояние не было

одинаковым на всем протяжении этого довольно длительного периода. Анализируя динамику вопроса, обычно выделяют три важнейших этапа:

1. Конец XV – первую половину XVI вв. как время быстрого возвеличивания страны, связанного не только с открытием Нового света и колониальной экспансией, но и с освобождением от иноземного владычества.

2. Пик развития – аннексию Португалии (1580), когда испанская корона получает все португальские владения в Америке, Африке и Азии Тихий океан называют «Испанским озером» [15, с. 103]; империя, куда входят территории в Европе, Америке, Африке, Азии и Океании, становится самой гигантской за всю свою историю.

3. Стагнация (1620-1640) [1, с. 73; 10, с. 17, 48; 16, с. 63-64].

Испанская корона создала первую в мире настолько огромную и разветвленную сеть производства (добычи) и доставки стратегически важных ресурсов: золота, серебра, драгоценных камней, сельскохозяйственных продуктов и сырья (кожи, шелка, пряностей, сахара, табака, какао, красителей кошениль и индиго, красильного дерева кампеш и древесину ценных пород, лечебных растений) и рабов (в конце XVI в. в Испании проживало около 58 000 рабов [34, р. 158]) [22, р. 38, 81, 114, 162, 221, 226, 287, 295].

Основу вывозимых товаров (до 95%) составляло золото (его добыча доминировала до 1540-1545 гг.), а затем серебро. К 1540 г. Испания получила 33 тонны золота и 86 тонн серебра. С 1575 г. благодаря разработке новой технологии рудники производят несколько сотен тонн в год; развитие горного дела приобрело колоссальный размах. В 1580-х гг. приток драгоценных металлов из Нового Света достиг небывалых размеров. Трудно сказать, посыпали ли в то время дороги серебром во время больших торжеств в Вальядолиде и в Мадриде, как это делали в Новом Свете [1, с. 258; 2, с. 470; 10, с. 15, 109, 114, 243; 22, р. 291]. Определенно можно сказать одно – серебра в Испании было много. Не случайно говорили, что «всё в Испании дорого, кроме серебра» (everything is dear in Spain, except silver) [20, р. 171].

Еще одним источником благополучия испанской короны стал жемчуг. Известно, что Колумб, открыв испанцам дорогу в Новый свет (1492), открыл и «Великую жемчужную лихорадку» [26, р. 67-70], ведь одной из первых значительных находок мореплавателя стал именно жемчуг. С тех пор, особенно после захвата Жемчужных островов (1513), в Европу вывозилось баснословное количество жемчуга: так, только в одном из отчетов о колонизации (1539) говорится, что 300 лошадей и 900 человек не хватило бы для его транспортировки. За один только год через Севильский порт, известный как «Carrera de Indias, или Путь Индий» [10, с. 106], было ввезено более 320 кг жемчуга. Середина столетия дала испанцам потрясающую «Перегрину» (*La Peregrina*) – самую крупную жемчужину за всю известную на тот момент историю добычи жемчуга; в виде необычайно крупного панделока она стала коронной драгоценностью Испании (ее неотчуждаемой собственностью), ее символом.

В 1530-х гг. состоялось близкое знакомство испанцев с колумбийскими изумрудами. В 1537 г. у местного населения было захвачено более 7 000 камней; затем были открыты изумрудные копи (1558) [37, р. 70]. О количестве и качестве драгоценностей, поступавших в Испанию из Нового Света, можно сказать только словами, произнесенными при взятии выкупа правителя инков Атауальпы (1533): «это был волшебный сон» [18, с. 283].

Ни один из королей Испании никогда не ступал на землю своих американских владений [10, с. 56], но сложная административная система позволяла эффективно управлять обширными и удаленными территориями. С 1561 г. двор и органы власти размещались в Мадриде, куда перенесли столицу из пострадавшего от пожара Вальядолида. Новая столица жила насыщенной социальной жизнью, с тем размахом, который давало присутствие двора. «Вселенское диво», «испанский Вавилон» – только часть эпитетов, отражающих ее стремительное преобразование [5, с. 61-62].

Активно росло и население Испании. В 1550-1600 гг. ежегодный прирост наблюдается больше, чем где-либо в Европе – 4,8% на тыс. жителей (при

среднем показателе по Европе в 2,7%), и это несмотря на довольно активную миграцию в Новый Свет, где к 1575 г. насчитывалось уже более пятисот городов [9, с. 18-19; 10, с. 16].

Культурное значение Испании как самого могущественного государства Европы и разрыв со средневековым прошлым подчеркивается связью с итальянским Ренессансом. Мощь монархии выражает новый дворцовый комплекс Эскориал (строительство с 1563 г.). Строится серия великих испанских соборов (завершаются долгостройки либо закладываются новые здания) в Толедо, Севилье, Саламанке, Сарагосе, Гренаде, Хаэне, Вальядолиде [3, с. 268-270; 10, с. 233].

Пышный и сложный испанский этикет с его ярко выраженной величественностью и придворный костюм, необычный, неудобный, но престижный как его материальное выражение, принимаются за эталон во многих королевских дворах и аристократических домах Европы. Пик моды на испанский наряд пришелся на 1560-1570-е гг. [3, с. 265-267; 8, с. 78; 12, с. 438], но он вызывал интерес и позднее. Так, знаменитая французская путешественница и писательница М.К. д'Онуа, побывавшая в Испании в конце 1670-х гг. [23], вспоминала: «не могу представить себе более стесняющего наряда. Так давит в плечах, что больно, невозможно поднять руки и едва влезаешь в рукава» [цит. по: 19, с. 197]. «На какой только ад не готовы женщины, чтобы сделать фигуру подлинно испанской», – замечал французский писатель и философ М. Монтень [цит. по: 7, с. 86].

Неудивительно, что быстрое возвышение Испании (а ее колониальную экспансию называют самым успешным колониальным проектом в истории человечества) получило свое отражение в необычайно разнообразном и многочисленном историческом нарративе. Среди авторов, чьи труды заслуживают самого пристального внимания – историк Луис Кабрера де Кордова, секретарь королевы Маргариты Австрийской, супруги короля Испании и Португалии Филиппа III Габсбурга, и летописец его отца и предшественника Филиппа II. Его «Реляции о произошедшем при испанском

дворе с 1599 по 1614 гг.» [22], как очевидца и участника многих описываемых событий, представляют особый исследовательский интерес, в том числе из-за их малоизученности [4].

При вступлении на престол 20-летнему Филиппу III досталось непростое наследство: уже в последние годы правления его предшественника могущественная Испания подошла к началу политико-экономического заката [5, с. 13]. Вовлеченная в военные конфликты («гигантские военные предприятия Испании поссорили ее с большей частью Европы», – замечает Ф. Бродель [2, с. 234]), страна шла к ослаблению и разорению, несмотря колоссальные богатства Нового Света. В 1596 г. Испания была вынуждена объявить дефолт по долговым обязательствам [2, с. 232].

С 1590-х гг. замедлился прирост населения Испании [10, с. 58]. Демографический спад усугублялся эпидемией чумы: для людей эпохи Ренессанса эта болезнь была повседневностью, но, тем не менее, она «поражала воображение своей смертоносной силой и воспринималась как кара богов или Бога» [11]. В виде отдельных вспышек чума фиксировалась еще в 1596 г., и заметно активизировалась после восшествия молодого короля на престол (но, как говорили древние, «"после" не значит "вследствие"»). Ко времени свадьбы молодого короля и его невесты Маргариты Австрийской (апрель 1599) чума свирепствовала практически по всей территории Испании и в португальском Лиссабоне, когда «знатные люди покинули город» [22, р. 9]. К осени того же года число жертв чумы в Испании и Португалии достигло полумиллиона [22, р. 17, 24-25, 32, 36, 39, 72, 74, 77, 100, 103, 106, 138, 183]. Для сравнения, в предыдущую вспышку (1576-1577), которая считалась весьма жестокой, число жертв было в пять раз меньше [17, с. 133].

Ситуация осложнялась военными конфликтами. Первым следствием охлаждения англо-испанских отношений стал арест золота герцога Альбы (1569). Затем состоялось кругосветное плавание Ф. Дрейка (1577-1580), которое вылилось в грабительский рейд по владениям испанской короны в Новом

Свете. Ущерб, нанесенный Дрейком, составил, по разным подсчетам, около 1,5-2 млн песо [13, с. 266; 14; 15].

Необычайная протяженность Испанской империи – свидетельство ее величия как морской державы – обернулась ее главной слабостью [10, с. 17]. Неудачная попытка вторжения в Англию (1588) окончилась разгромом испанской Непобедимой армады, что обозначило пределы могущества Испании и стало бесспорным началом упадка испанских Габсбургов.

Расходы империи постоянно росли, а доходы падали; надвигалось очередное банкротство испанской короны (1607) [2, с. 234, 264]. «Нужда короны очень велика, что приносит Его Величеству страдание», – сокрушался королевский секретарь в мае 1600 г. [22, р. 66]. «Казна Его Величества пуста: у него нет денег ни на жалованье слугам, ни на их пропитание, чего никогда не было в королевском доме», – продолжал он спустя год [22, р. 114]. И действительно, жалованье за 1601 г. было выплачено только в 1603 г., в преддверии королевского вояжа в Португалию, «чтобы слуги могли сделать необходимые приготовления к путешествию» [22, р. 164].

Временами летописца охватывало отчаяние; в начале каждой осени оно обыкновенно сменялось надеждой: сентябрь – традиционное время возвращения Серебряного флота (галеонов с серебром) из Новой Испании. Иногда, вследствие бурь и военных стычек с англичанами, их прибытие задерживалось до октября-ноября [22, р. 2, 26, 81, 86-87, 192, 225-226, 261, 287, 290, 294, 316-318]. «С великим трепетом мы ожидаем известия о галеонах с серебром, которые вот-вот должны прибыть из Гаваны. Пусть Бог доставит их в целости и сохранности, так как в средствах у нас ощущается большой недостаток», – писал секретарь в конце октября 1600 г. – Надоело отсутствие денег!», – восклицал он [22, р. 86].

Количество ввозимого из Нового света серебра пока не уменьшалось, и, согласно Ф. Броделю, кажущееся благополучие в основном секторе экономики «порождает иллюзии и притупляет чувство опасности» [2, с. 234], позволяя испанской короне поддерживать идею о великой и могущественной державе,

все еще претендующей на центральное место в жизни Европы и Нового Света. Объемы доставленных испанской короне богатств поражают. Так королевский летописец сообщает об экспедиции одного аделантадо из пятидесяти кораблей, тридцать шесть из которых были галеонами (сентябрь 1599). Упоминаются и другие экспедиции, заслуживающие внимания: «Флот из Перу и Огненной Земли прибыл в Севилью, сорок два корабля с товарами и пассажирами, а серебро пришло прежде, с четырнадцатью галеонами» (март 1600); «ожидаются шестьдесят кораблей. Боже, приведи их в целостности и сохранности» (август-сентябрь 1600); «сорок два корабля, не испытавшие ни бури, ни столкновения с врагом, так что все прибыли благополучно» (апрель 1602); «не было потеряно ни одного из прибывших семидесяти трех кораблей» (октябрь 1606) [22, р. 38, 70, 81, 140, 292]. В 1600 г. Ф. Бродель сообщал о прибытии галеонов с деньгами на сумму в 34,5 млн песо (в слитках серебра и в монете); 1602 г. – на 14 млн; в ноябре 1603 г. – 14 млн; в октябре 1604 г. – 5, 5 млн; в январе 1605 г. – на 12 млн.; в 1606 г. на 26 млн); 12 млн в октябре 1607 г., и т.д. [22, р. 12, 16, 26, 87, 137, 198, 226, 233, 287, 292, 295, 317-318]. «Бог защитит их от врага», – уверен Л. Кабрера [22, р. 158].

Важнейшим проектом Филиппа III стало окончание 20-летней англо-испанской войны (1584-1604). Для проведения переговоров был избран полномочный посол – представитель одного из старейших и могущественных домов кастильских грандов Хуан Фернандес де Веласко-и-Товар – 5-й герцог де Фриас. Военный в чине генерал-капитана, государственный советник, наследственный коннетабль Кастилии, занимавший ключевой внешнеполитический пост губернатора Миланского герцогства – по своему официальному положению он был вторым или третьим после самого короля (и, возможно, его фаворита герцога Лермы) [22, р. 92, 140, 149, 203; 34, с. 162]. Стоит отметить, что кастильцы традиционно занимали ключевые посты, особенно те, что были связаны с внешней политикой [10, с. 64, 71]; американские территории Испании были напрямую подчинены Кастилии; «империя имела кастильский характер», – замечал Ф. Бродель [2, с. 467].

Дон Хуан де Веласко был известен не только своими военными, политическими и дипломатическими талантами. В качестве ученика гуманиста и филолога, профессора Саламанского университета Франсиско Санчеса де лас Брозаса (эль Бросенса), имевшего опыт самостоятельной теологической и художественно-критической работы [34, с. 163, 166], он представлял образчик культурного идеала придворного как «человека битвы и буквы» (*hombre de armas y letras*), опозитизированного М. Сервантесом [6].

Английская миссия Веласко продолжалась больше года – он получил королевское поручение в октябре 1603 г., но вернулся в Испанию лишь в середине декабря 1604 г. «Коннетабль вернулся с лучшим цветом лица и намного толще, чем был», – отметил королевский секретарь [22, р. 232].

Заключение мира, как известно, было подписано в Лондоне (1604) и ратифицировано в Вальядолиде (1605) [22, р. 230; 24, р. 246, 257], сопровождаясь празднествами и интенсивным обменом дипломатическими дарами. Этот процесс воспринимался обеими сторонами не столько как традиционный жест, публично подтверждающий примирение, сколько как негласное состязание. Стратегия заключалась в том, чтобы поразить оппонента, продемонстрировав свое материальное, а, вслед за тем, и культурное превосходство. Забегая вперед, скажем, что коннетабль Веласко от имени и по поручению испанской короны выиграл это шоу культурной самопрезентации с большим преимуществом.

Ритуал начался с обмена кольцами – от английского короля Якова I коннетаблю было вручено кольцо с бриллиантом [35, р. 62] (процесс, начатый в Лондоне, был завершен в Вальядолиде, и мы вернемся к взаимному обмену кольцами позднее). Ответные подарки от испанской короны сыпались как из рога изобилия. Английской королеве Анне Датской коннетабль преподнес следующие вещи:

- 1) хрустальный кубок в форме дракона (или змеи), украшенного золотом (из этого кубка он должен был выпить за здоровье английских монархов на праздничном банкете в честь мира);

2) золотой крест, усыпанный 260 бриллиантами;

3) три подвески, украшенные очень крупными бриллиантами и бриллиантами помельче;

4) два золотых ларца.

Следующие дары были вручены десяти придворным дамам и фрейлинам английской королевы:

1) Фрэнсис Говард, графине Саффолк – несколько драгоценностей, золотой ларец и крупную сумму наличными;

2) Люси Харингтон, графине Бедфорд – украшение для прически эгрет со 106 крупными и мелкими бриллиантами, искусно оправленными в золото;

3) Пенелопе Деверо, леди Рич – также эгрет;

4) графине Хартфорд, леди Фрэнсис Ховард – другой эгрет, еще богаче предыдущего;

5) леди Драммонд – еще один эгрет с 75 бриллиантами, оправленными в золото, и этот эгрет также был богаче предыдущего;

6) Анне Хэй, дочери Фрэнсиса Хэя, графа Эрролла – драгоценность в виде золотого якоря (христианского символа надежды), украшенного крупными и мелкими бриллиантами, оправленными в золото. Анна была одной из немногих католичек, приближенных английской королевы;

7) леди Сьюзен де Вер – драгоценность в виде золотого петуха, украшенного бриллиантами, жемчугом и рубинами;

8) графине Дерби, леди Элизабет де Вер – гарнитур с бриллиантами;

9) Елизавете, дочери сэра Роберта Сидни, камергера королевы – перстень с бриллиантами;

10) леди Арабелле Стюарт – 72 золотые пуговицы с тремя бриллиантами каждая.

Получательниц выбирал испанский посол в Англии граф Вильямедиана, отдавая предпочтение фигурам, потенциально полезным для испанской короны (стоит отметить, что шестеро из этого списка участвовали в праздничном

маскараде, где вместе с королевой Анной изображали античных богинь, несущих дары) [32, р. 93, 95; 35, р. 63-64].

Таким образом, только на дамские безделушки Испанией было истрачено более полумиллиона реалов (что приблизительно равнялось 36 тыс. золотых эскудо или 14,4 тыс. фунтов по курсу фунта к реалу 1:40). Изображения некоторых из этих украшений сохранились в виде в альбоме эскизов изготовившего их любимого ювелира короля Якова I [30, р. 291] (в настоящее время он находится в собрании музея Виктории и Альберта, Лондон) [25; 31].

Ответным даром от английской короны стало богатое жемчужное ожерелье (для супруги коннетабля Марии Телес-Хирон де Гусман, дочери 1-го герцога Осуна) и медальоны с портретами короля Якова I и Анны Датской (для испанской короны). Ларец, где лежали медальоны, был украшен бриллиантами. Коннетабль немедленно ответил на этот жест, вручив дарителю (им выступил вице-камергер королевы сэр Джордж Кэрю) некую бриллиантовую драгоценность (*una joya de Diamantes*).

Позднее Анна Датская сетовала, что придворные празднества истощили английскую казну настолько, что не было никакой возможности достойно ответить на испанскую щедрость, и выражала надежду, что у нее еще будет возможность достойно выразить свою благодарность [35, р. 64, 66].

Попытка реванша была сделана англичанами во время ответного визита в Вальядолид (май-июнь 1605). В качестве королевских даров Филиппу III и Маргарите Австрийской были переданы:

- 1) шесть лошадей (три для короля и три для королевы) с богатым убранством;
- 2) два арбалета со стрелами;
- 3) четыре ружья («это были аркебузы», – уточняет секретарь [22, р. 250]), инкрустированных золотом; и
- 4) одна пара гончих собак (точнее, лям-гончих) необыкновенной красоты.

На следующий день испанскую королеву посетил возглавивший английское посольство лорд-адмирал Чарлз Говард Ноттингем (парадоксально,

но именно Ноттингем руководил разгромом испанской Непобедимой армады) с дарами от Анны Датской [22, р. 250; 35, р. 66]. Главным из них было необычайно эффектное украшение в виде распростершего крылья золотого орла, усыпанного драгоценными камнями и жемчугом, которое «оценили в 12 000 дукатов» (около 13 500 эскудо) [22, р. 245]. Королева Англии выполнила свое обещание.

Тут же принесли ответный подарок для английского монарха:

1) две портретные миниатюры с изображениями Филиппа III и Маргариты Австрийской, в ларце, украшенном бриллиантами;

2) две небольшие «женские» верховые лошадки со специальными боковыми седлами, отделанными серебром и вышивкой; и

3) две цепочки с бриллиантами.

Для себя Ноттингем получил мемориальное кольцо, аналогичное тому, что было подарено коннетаблю Веласко. Также от испанской короны было презентовано множество более скромных по смыслу, но не по материальной ценности, украшений для лорда-адмирала, его жены и английской короны (на общую сумму более 45 000 эскудо).

Частные лица поднесли десять лошадей в убранстве, дюжину толедских клинков, сто пар перчаток, а также обещание ежегодно поставлять Английской королевской охоте ястребов-тетеревятников и гончих собак. Выдали наличные для раздачи слугам [22, р. 252-253; 34, р. 62, 66]. Соревновательный обмен дарами закончился.

Пышные празднества в честь прибытия английского посольства длились три недели: только скупое описание их заняло у королевского секретаря целых восемь страниц [22, р. 243-250]. Празднества «случайно» совпали с празднованием Пасхи и крещением новорожденного наследного принца Филиппа IV (король приказал отложить крестины до прибытия посольства) [32, р. 98], что умножило торжественность событий. Однако королевский двор в те годы временно пребывал в Вальядолиде (1601-1606), где не было дворца с помещениями, подходящими для такого рода торжеств. Для праздничного

маскарада, сарао (танцевальной вечеринки) [21, р. 373; 29, р. 708] и банкета был выстроен специальный пиршественный зал («над ним усердно работают, и белят и красят», – отмечал секретарь [22, р. 241]). Пышный декор зала представлял, по сути, династическую иконографию, прославляя империю Габсбургов [22, р. 250; 32, р. 98, 100].

Испанцы были обеспокоены тем, что согласно дипломатическому протоколу за исходный образец организации празднеств ими должен быть принят прием в Лондоне. Второй стороне следовало повторить его буквально, ничего не умаляя, но и не преувеличивая. Выше обозначенные моменты (крещение наследника, новые постройки и т.д.) уже не предполагали симметрии, более того, некоторые детали было невозможно «отзеркалить» в силу культурных различий: так, английский король почтил испанского гранда совместным обедом, но испанский король всегда обедал в одиночестве и не собирался изменять своим планам [32, р. 96].

Результатом стал тщательно продуманный прием, повторяющий события в Лондоне по их букве, но не по духу. Ключевым моментом стало воспроизведение женского маскарада. Главными героинями в обоих случаях выступили две Анны – английская королева Анна Датская и испанская инфанта Анна Австрийская. Даже их маскарадные костюмы – бриллиантовые шлемы с плюмажем из белых перьев – обладали поразительным сходством [32, р. 102-103]. Принципиально разными были две детали: на лондонской сцене выступала сама королева – 29-летняя женщина, мать пятерых детей; на испанской – инфанта, девочка неполных четырех лет. «Инфанта хорошо отрепетировала, что ей предстоит делать», – замечал королевский секретарь [22, р. 250].

Второй немаловажный момент – испанский маскарад, где центром внимания было королевское дитя, многократно превосходил английский оригинал по сложности и роскоши представления. По сути, это было полноценное театральное представление с музыкантами, факельщиками, колесницей, запряженной настоящими лошадками, механическими статуями и

другими чудесами, помещенными в ломающие пространство зеркальные декорации. Маскарад и дополняющее его танцевальное сарао называли самым сказочным событием этого, богатого на впечатления, сезона («танцы, танцы и снова танцы», – записал секретарь [22, р. 250]). Испанская королева пригласила на танец Ноттингема, компенсируя ему лишение приватного обеда у короля [22, р. 251-252; 32, р. 101-102].

Стоит сказать, что обе стороны имели долгосрочные цели, первым шагом к которым стало заключение мира. Прежде всех в этом ряду стояли планы на дипломатический брак упомянутой инфанты и английского принца: король Яков намекал на желательность такого союза еще во время торжественного банкета 1604 г. [32, р. 104; 35, р. 71]. Испания ответила на этот намек, представив в маскараде испанскую инфанту как соединение всех добродетелей, и подчеркнув преемственность великой династии Габсбургов. Развернутый в таком ключе, маскарад в Вальядолиде являл не столько жест ответной вежливости, сколько еще одну ступень самопрезентации.

В остальное время гостей развлекали комедиями, новомодными бычьими бегами (к тому моменту они практиковались в Испании чуть более десяти лет) [28, р. 186], корридой, костюмированными военизированными играми с дротиками «juego de sañas» [33, р. 422; 36] на восемьдесят рыцарей и конным турниром. Этот турнир провели «на берегу реки перед фруктовым садом... одну команду возглавит сам Его Величество, а другую – коннетабль Веласко», – уточнил секретарь [22, р. 241, 249-250].

Затем прошел смотр испанской кавалерии в составе кастильской конной гвардии, конных аркебузирова, легкой конницы в мавританском стиле, а также «львов Испании» [27, р. 708] – кастильской «Сотни континосов» (королевских гвардейских телохранителей) общим числом полторы тысячи [22, р. 250]. Устроили пир на двести гостей, где «столы были очень длинные, изобильно сервированные венецианским стеклом и чистейшим серебром, а разных яств и десертов было более тысячи блюд» [22, р. 247-248]. Гвардия была в сшитой специально для празднования новой униформе, а слуги – в новой ливрее;

««некоторые [испанцы] носят золотые туфли... здешние наряды имеют преимущество в богатстве», – заметил секретарь Маргариты Австрийской [22, р. 243-245]. Негласное соревнование по показательной демонстрации богатства, навязанное Англии и изначально задуманное так, чтобы превзойти оппонентов в роскоши двора, было выиграно испанской короной.

Так завершилось празднование англо-испанского мира. Но история на этом не закончилась. Рассказы посольства Ноттингема о великолепии испанской придворной моды побудили Анну Датскую просить прислать ей одно такое платье. Просьба была выполнена. Скоро кастилец Бласко де Алагон привез английской королеве еще один щедрый дар: платье из атласа цвета старой розы, украшенное янтарем и жемчугом, четыре разных юбки к нему и столько же чепцов и головных уборов, ленты, а также ожерелье из бриллиантов и нитку жемчуга – все самое лучшее. Как писал секретарь королевы, «чтобы подтвердить мир и дружбу», [22, р. 277] были присланы даже трикотажные чулки, туфельки и высокие чопины с отделкой золотым кружевом, а также ларец из золота и драгоценных камней для хранения платья.

Такие на первый взгляд несерьезные вещи, как предметы дамского туалета, в очередной раз послужили поводом к показательной демонстрации богатства как проверенному проявлению власти. Признание английской стороной культурной ценности испанской придворной моды можно считать еще одним этапом в негласном соревновании двух корон, последовавших за подписанием англо-испанского мира. Итоги этого соревнования более чем наглядно показали ведущее место, на которое все еще претендовала Испания на международной арене, несмотря на кризисные явления, свидетельствующие о начавшемся закате ее «Золотого века». Богатый событийный ряд, точные характеристики персоналий, внимание к мелким деталям, зафиксированным со скрупулезной точностью, помещают «Реляции» секретаря испанской королевы Маргариты Австрийской на одно из первых мест в изучении специфики придворной культуры Испании периода «между последним банкротством Филиппа II и первым – Филиппа III» [2, с. 232].

Список литературы:

1. Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании / Сокр. пер. с исп. Е.А. Вадковской и О.М. Гармсен; Под ред. С.Д. Сказкина и Я.М. Света; Предисл. Я.М. Света. М.: Издательство иностранной литературы, 1951. Т. 2. 360 с.
2. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М.: Языки славянской культуры, 2003. 808 с.
3. Варьяш О.И. Культура стран Пиренейского полуострова в конце XV – начале XVII вв. // Культура Западной Европы в эпоху Возрождения. М.: Мосгорархив, 1996. С. 248-276.
4. Ведюшкин В.А. Двор Филиппа III глазами современника // Новый филологический вестник. 2014. № 2 (29). С. 129-139.
5. Дефурно М. Повседневная жизнь Испании Золотого века. М.: Молодая гвардия, 2004. 344 с.
6. Ершова И.В. Средневековый риторический топос «Nombre de armas y letras» и его трансформация в прозе Сервантеса // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2017. Т. 27. № 3. С. 418-423.
7. Захаржевская Р.В. История костюма. М.: Рипол Классик, 2005. 288 с.
8. Киреева Е.В. История костюма. Европейские костюмы от античности до XX века. М.: Просвещение, 1970. 168 с.
9. Ливи Баччи М. Демографическая история Европы. СПб.: Александрия, 2010. 310 с.
10. Мазен О. Испанская Америка XVI – XVIII веков. М.: Вече, 2015. 336 с.
11. Майзульс М.Р. История чумы [Электронный ресурс] // Arzamas [сайт]. 29.04.2020. URL: <https://bit.ly/3tIfZq7> (дата обращения: 11.08.2021)
12. Мерцалова М.Н. Костюм разных времен и народов. М.: АО Академия моды, 1993. Т. 1. 542 с.
13. Михеев Д.В. Действия испанских дипломатов в Англии в свете кругосветной экспедиции Дрейка // Семёновские чтения. Труды XI

Всероссийской научной конференции с международным участием памяти проф. В.Ф. Семёнова. 24 марта 2018 г. М.: МПГУ, 2019. С. 259-267.

14. Михеев Д.В. Между миром и войной: испанские источники о целях кругосветной экспедиции Ф. Дрейка (1577-1580 гг.) // Псковский военно-исторический вестник. 2015. № 1. С. 66-70.

15. Михеев Д.В., Григорьева В.М. Грабительские действия англичан на тихоокеанском побережье испанских колоний Нового Света // Псковский военно-исторический вестник. 2017. № 3 (3). С. 103-108.

16. Сим Н.М. Эскориал – идея, образ, стиль королевской резиденции Филиппа II // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1 (103). С. 63-78.

17. Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы. В 2 кн. Кн. 1. Чума добактериологического периода. М.: Вузовская книга, 2006. 468 с.

18. Съеса ле Леон П. Хроника Перу. Часть первая / Ред. и пер. С.А. Куприенко. Киев: Видавець Купрієнко С.А., 2014. 353 с.

19. Чернова И. Костюм в раннем испанском театре: случай Лопе де Руэды // Вопросы театра. 2020. № 1-2. С. 196-219.

20. Braudel F. The wheels of commerce. Civilization and capitalism, 15th-18th century. London: Collins, 1981. Vol. II. 670 p.

21. Brooks L. M. The dances of the processions of Seville in Spain's Golden Age. Kassel: Edition Reichenberger, 1998. 411p.

22. Cabrera de Córdoba L. Relaciones de las cosas sucedidas en la Corte de España desde 1599 hasta 1614. Madrid: Junta de Castilla y León, 1857. 655 p.

23. Courteault P. Le voyage de Madame d'Aulnoy en Espagne // Bulletin hispanique. 1936. Vol. 38. No 3. P. 383-384.

24. Davenport F.G. European treaties bearing on the history of the United States and its dependencies. New Jersey: The Lawbook Exchange, 2004. 1290 p.

25. Designs for jewellery by Arnold Lulls [Электронный ресурс] // Victoria and Albert Museum [сайт]. 30.06.2009. URL: <https://bit.ly/3z9hoqv> (дата обращения: 11.08.2021).

26. Dirlam D.M., Misiorowski E.B., Thomas S.A. Pearl fashion through the ages // Gemological Institute of America. *Gems & Gemology*. 1985. Vol. 21 (Summer). No 2. P. 63-78.

27. Domínguez Nafría J.C. El rey y sus ejércitos (Guardas reales, continos, monteros y tropas de Casa Real del siglo XVII) // Guerra y sociedad en la monarquía hispánica: política, estrategia y cultura en la Europa moderna (1500-1700). Madrid: CSIC Press, 2006. Vol. 1. P. 707-738.

28. Douglass C.B. Bulls, Bullfighting, and Spanish identities. Tucson: University of Arizona Press 1999. 245 p.

29. Esses M. Dance and instrumental diferencias in Spain during the 17th and early 18th centuries. Vol. I. History and background, music and dance. New York: Pendragon Press, 1992. 903 p.

30. Göttler C., Mochizuki M. The nomadic object: The challenge of World for early modern religious art. Leiden: Brill, 2017. 652 p.

31. Hayward J. The Arnold Lulls Book of Jewels and the court jewellers of Queen Anne of Denmark // *Archaeologia*. 1986. Vol. 108. P. 227-237.

32. Hutchings M., Cano-Echevarría B. Between courts: Female masquers and Anglo-Spanish diplomacy, 1603-5 // *Early Theatre*. 2012. № 15 (1). P. 91-108.

33. Infantes V. Las danzas de la muerte. Génesis y desarrollo de un género medieval. Salamanca: Universidad de Salamanca, 1997. 455 p.

34. Storch de Gracia J.G, Ricao A.G. Secretario del Condestable (1607-1613) // Homenaje a Juan de Pablo Bonet. Zaragoza: Institución Fernando el Católico, 2020. P. 155-186.

35. Ungerer G. Juan Pantoja de la Cruz and the Circulation of Gifts between the English and Spanish Courts in 1604/5 // *Shakespeare Studies*. 1998. Vol. 26. P. 59-78.

36. Vázquez M.H. El juego de cañas en la España medieval y moderna / Museo del INEF de Madrid // Libro de actas. Vol. 2. Comunicaciones. Madrid: Universidad Politécnica de Madrid, 2004. P. 104-117.

37. Waszkis H. Mining in the Americas: Stories and history. Cambridge: Cambridge Publishing, 1993. 304 p.

Сведения об авторе:

Шапиро Бэлла Львовна – кандидат исторических наук, доцент
Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).

Data about the author:

Shapiro Bella Lvovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: b.shapiro@mail.ru.